

**Yu.I. Tarsky
The Genesis of Social Interests
Representations in the Russian
Political Space**

The role of the parties and public movements operating in the political space of Russia is considered. Their aims of real social groups interests representation are defined.

Key words and word-combinations: political space, ideology, political discourses, social interests.

Рассматривается роль партий и общественных движений, действующих в политическом пространстве России. Определяются их задачи по репрезентации интересов реальных социальных групп.

Ключевые слова и словосочетания: политическое пространство, идеология, политические дискурсы, социальные интересы.

УДК 316.334.3
ББК 60.561.3

Ю.И. Тарский

**ГЕНЕЗИС РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ
СОЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ
В РОССИЙСКОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

Своеобразие современных российских политических процессов определяется прежде всего тем, что в них крайне слабо проявлены реальные интересы социальных групп. Анализ опыта успешной президентской кампании марта 2012 г. еще раз наглядно демонстрирует отсутствие необходимости в самой постановке вопроса об интересах, лежащих в основе поддержки населением той или иной программы.

Главной оппозиционной силой действующей власти, как показали выборы, остается КПРФ. Именно кандидат, представляющий эту партию, получил вторую позицию в рейтинге претендентов на президентское кресло. Обращение к программе КПРФ (относительно которой Г.А. Зюганов заявил, что она «определила повестку дня этих выборов») показывает, что логика этого документа выстраивается не в соответствии с социологическим анализом сложившихся на данный момент у населения ожиданий, а согласно устоявшимся идеологическим концептам [1]. В преамбуле заявляется, что КПРФ выступает единственной политической организацией, последовательно отстаивающей права людей наемного труда; однако не делается попытки охарактеризовать реальное положение этой социальной группы, проанализировать ее позиции в отношении конкретных аспектов социального контракта. Вместо этого повторяются догмы «ленинского учения об империализме», излагаются характеристики между-

народной ситуации (опять-таки с точки зрения тезиса «современная эпоха представляет собой переход от капитализма к социализму»), подробно пересказываются события давней и недавней истории. Непосредственно за этим, то есть как дедуктивный вывод из доктрины, следует утверждение «спасение Отечества – только в возрождении советского строя и следовании по пути социализма»; при этом, однако, «речь идет не о том, чтобы вернуться назад, а о том, чтобы двигаться вперед, к обновленному социализму, очищенному от ошибок и заблуждений прошлого, в полной мере отвечающему реалиям сегодняшнего дня».

Логическое противоречие здесь выступает следствием не только одностороннего историко-социологического анализа, но и отказа от выявления характеристик непосредственно сложившейся социально-политической ситуации. За этим следует трехэтапный план перехода к «обществу подлинного народовластия и развитой духовной культуры», в котором единственным реальным механизмом завоевания власти оказывается, собственно, апелляция к недовольству населения социально-экономическими условиями. Стимулировать консолидацию, на основе этого недовольства, призвана программа-минимум. В ней содержится совокупность экономических требований, явно неадекватных имеющимся в распоряжении государства ресурсам, и пожеланий типа «создать реально независимую судебную систему», «обеспечить общедоступность и высокое качество здравоохранения», «создать условия для развития малого и среднего предпринимательства», «повысить эффективность системы государственного управления», ничем и никак не обоснованные в отношении путей их реализации [2]. Открытым остается вопрос, в чьих руках на период реализации программы-минимум должна находиться власть, то есть кто возьмет на себя ответственность за политические шаги, с очевидностью требующие либо возникающего, непонятно, каким образом, национального согласия, либо репрессий, и привлечение из не определенных источников чудовищных по размеру капиталовложений.

Парадоксальным образом сходной с только что рассмотренной структурой обладает и программный документ, представленный М. Прохоровым. Его первая часть является чисто исторической, логика построения документа предполагает аргументацию «от противного», опору на критику коммунистической эпохи. Противопоставляется дурному прошлому, по сути, условный идеал – «общество равных возможностей», где главной ценностью является человек, права которого «первичны к правам социальных, этнических и религиозных групп», со свободными СМИ, последовательно демократическими процедурами формирования властных структур [3]. Идеология и здесь первична; если коммунисты полагают, что история есть борьба классов, а трудящиеся выбирают социализм, то М. Прохоров и его сторонники исходят из безусловности либеральных ценностей, долженствующих «сами собой» обеспечить прогрессивное развитие. Прохоровская программа не содержит непомерного числа неосуществимых обещаний, что делает ее более реалистичной, но безоговорочно лишает кандидата массовой поддержки. Мнения относительно того, что М. Прохоров выражает интересы среднего класса, ни на чем не основаны [4]. Разработке программы не предшествовал анализ запросов этой группы, не говоря уже об определении ее сущности и границ.

Представленную картину не могут существенно изменить соображения, возникающие при обращении к программам других альтернативных кандидатов. Специфика электората ЛДПР достаточно очевидна; что касается С. Миронова, ему в данной кампании не удалось получить существенной поддержки избирателей. По существу, нынешняя политическая ситуация отличается от ситуации середины 1990-х годов прежде всего тем, что в ней присутствует поддержка большинством прагматической в своей основе линии В. Путина. Если в 1990-е годы политическая борьба сводилась к абсолютно чистому противостоянию идеологий, сегодня попытки «идеологизировать» отдельные положения программы вновь избранного в марте 2012 г. Президента РФ поддержки не находят. Типичной в данном аспекте является интерпретация идеи единого экономического пространства как возрождения евразийской империи А. Прохановым [5]. Общественная реакция на эти высказывания минимальна.

Проект В. Путина – лидера нации по определению конструируется вне политико-партийного поля, подразумевая консолидацию более высокого уровня. Однако при этом, на фоне слабого развития муниципальных структур управления и кризиса партийных идеологий, крайне сложно избежать нарастания пассивности населения. Действующие партии и движения своей функцией в этом плане не выполняют.

Показательна в этом плане судьба либерализма. По сути он должен быть выражением индивидуалистического мировоззрения, своего рода квинтэссенцией антифашизма. Но страх перед анархизмом сковывает либеральную мысль, заставляет искать компромиссы с идеями государственного регулирования там, где эти компромиссы разрушительны, – и, как обратное следствие, ложные попытки поддержать баланс приводят к отторжению идеологических компонентов, связанных с концепцией социального государства. В итоге даже такой вдумчивый аналитик, как Л. Радзиховский, объявляет «крайний популизм» внесистемным: «Нацисты, экстремисты, расисты, крайние популисты находятся за пределами западного политического поля» [6].

Не совсем понятно, какой популизм полагать «крайним». Если речь идет о формуле «отнять и поделить», то она никак не популистская: поддержать ее может большинство только в обществах совершенно нищих; даже в Европе XII–XIII вв. проповедь апостольских братьев Дольчино и им подобных отнюдь не повела за собой большинство населения. Если же речь идет об отрицании «спенсеровского» понимания либерализма, как у Ю.Л. Латыниной, повторяющей постоянно, что никто не имеет права на то, чего не заработал, то такое отрицание действительно есть позиция абсолютного большинства.

Движения типа «оссуры Wall Street», возможно, выглядят как близкие к несистемным, но для их объективной оценки надо принимать во внимание европейскую и североамериканскую традицию. Эта традиция полагает общественный протест органической частью жизни социума, безусловно интегрируя право граждан на обсуждение социального контракта. Ведь понятие «честно заработанного» может быть очень разным, и оно меняется.

Так, для акционеров прежде всего медийных корпораций, чьи доходы напрямую зависят от соблюдения действующих норм авторского права, движе-

ния типа «пиратской партии» Германии представляются внесистемными. Очевидно, если эта партия, предположим, после следующих выборов сумеет стать лидером парламентской коалиции, законодательство может претерпеть изменения, после которых «внесистемными» будут выглядеть как раз претензии звукозаписывающей фирмы на контекст, к созданию которого она не имеет никакого отношения. Как справедливо пишет Л.С. Яковлев, «видеть в интенсивном развитии сетевых структур политическую волю людей, обеспечивших для них технологическую базу, нет никаких оснований. Подобного рода конспирологические инсинуации возникают на периферии современных дискурсов, но не заслуживают специального разбора» [7, с. 60].

Связывать либеральные ценности с неуклонным отстаиванием текущих форм регулирования отношений собственности есть полный абсурд. Назвать, например, реформы Б. Обамы в области медицинского страхования популистскими можно лишь с позиций псевдолиберализма, по сути равнодушного к судьбе общества, ставящего ложные абстрактные принципы выше здравого смысла. Разрушение социального контракта есть гибель общества. Разумеется, любой пересмотр этого контракта ущемляет чьи-то права; это и есть плата за развитие, за выживание социума. Либеральная идея состоит не в том, что «правила игры» должны оставаться неизменными вечно, а в том, что они есть. Они могут меняться, их, безусловно, можно и нужно обсуждать, но их действующими формами нельзя пренебрегать.

Либерализм имеет право на существование только как инструмент прогрессивного развития. Современная ситуация в России с предельной остротой демонстрирует степень потребности страны в модернизации. Здесь наблюдается кризис власти, не проявляющий себя как политический кризис, что заставляет нас видеть в России страну, не прошедшую по пути модернизации столько, сколько требует логика развития. Будь это сделано, кризис имел бы именно политическое выражение. Но наша реальная политическая оппозиция действительно столь малочисленна, разрознена и имеет столь слабую поддержку населения, что видеть в ней для себя угрозу было бы для власти наивно. Проблема в ином. Руководство СССР, а затем и суверенной России, начиная с М. Горбачева, если не раньше, сознает порочность механизма взаимодействия с населением, построенного на патерналистских ожиданиях. Такой механизм резко ограничивает в продолжительной перспективе ресурсы мобилизации, а в кризисных ситуациях просто дает лояльности слишком зыбкую основу, тем более сегодня, когда население России далеко не столь скромно в своих притязаниях, как полвека или даже три десятилетия назад. Уровень поддержки В. Путина населением снизился за последние восемь лет, в условиях, когда не только не происходит падения уровня жизни, но, напротив, очевиден его рост для большинства категорий граждан. Но рост этот отстает от ожиданий и потому воспринимается как следствие несоблюдения властью социального контракта.

Особенно очевидна эта закономерность применительно к региональному развитию. Вопреки установкам официальной политики на «выравнивание» уровня развития всех территорий страны, степень неоднородности была очень высокой, поэтому «усреднять» модернизационный потенциал и установки нельзя: точно так же, как имеются еще в стране промышленные предприятия, в ста-

ночном парке которых можно найти технику образцов начала XX столетия, социальные отношения, аттитюды населения, параметры информационного, социокультурного, политического пространства, модели управления везде разные. Есть зоны, где они соответствуют стандартам XXI в., есть – где и советская модернизация осуществлена была чисто формально.

Вопрос о модернизации – это еще и вопрос о целостности страны, потому что развития вспять не бывает, обновленный потенциал можно разрушить, но не благополучно вернуться от него к прошлому. Анализ тувинской ситуации В. Антипиным содержит неутешительный вывод: «Им не нужен ни двадцать первый век, ни даже восемнадцатый, они хотят вечного безвременья. Такая социальная позиция достойна романтического уважения, но она неизбежно превращает регион либо в экономическую дыру, либо в колонию и углубляет межрегиональные противоречия» [8]. Москва никогда не станет такой, какая сегодня Тува; либо Тува изменится, либо эти территории останутся объединенными лишь политически, совершенно разными в плане экономической и социальной организации, и всякие попытки поддерживать их общность окажутся симулякрами. Конечно, в самой этой ситуации еще нет ничего, кроме вызова. В принципе неоднородность свойственна территориям многих государств. Однако, как минимум, это будет означать необходимость довольно кардинального пересмотра целого ряда аспектов политики федеральной власти.

Самой распространенной и важнейшей ошибкой в трактовках российской модернизации нам представляется утверждение ее экзогенного характера [9]. Представлять, будто, поскольку ни элиты, ни массы не осознают потребности в обновлении, оно обусловлено лишь стремлением «не отставать» от Запада, абсурдно. Сторонники перемен нигде и никогда не составляли большинства, и это совершенно естественно. Люди приспосабливаются к реальным условиям, и стремление эти условия сохранить становится для них затем важным компонентом стратегий выживания. Но общество в целом без перемен жить не может уже потому, что его-то среда обитания меняется, хотя бы в силу роста населения и реструктуризации природных ресурсов.

Полагать, будто возможно общество, в котором к какому-то моменту сам собой созреет в массах населения проработанный, сбалансированный проект модернизации, наивно. Поэтому, вообще говоря, стран, для которых была бы характерной экзогенная модернизация, просто не может быть.

Чисто логически очевидна нежизнеспособность обществ, основанных на попытке выстроить сквозную демократическую систему. Такая система неизбежно будет выводить на поверхность всю совокупность противоречий, порожденных естественными структурными различиями, а решаться они будут либо через конфликты, либо за счет общества как целого. Вряд ли можно представить себе прогресс, постоянно, в каждый конкретный момент, удовлетворяющий все ожидания всех социальных групп. В связи с этим реальным достижением политического развития является не демократия, изобретенная весьма давно, а конституция. Управленческий процесс должен не тонуть в бесконечных согласованиях, а быть четко разграничен на зоны ответственности, в каждой из которых решения вполне авторитарно принимаются заранее определенными субъектами.

Просвещенный абсолютизм, вопреки становящимся модными мнениям, ни-

какой модернизации не осуществлял [10]. Инновации могут, конечно, быть внедрены и принудительно, но при этом эффект их окажется ограниченным, причем в принципе обратимым. По-настоящему существенными являются те изменения, которые кардинально меняют образ жизни, повседневное поведение, системы ценностей. В исторической перспективе мобилизационные экономики всегда терпели крах, а именно такого рода экономику выстраивает просвещенный абсолютизм. Подлинная модернизация как раз не может не быть демократической в том смысле, что ее механизм предполагает осознание большинством населения необходимости перехода к новым технологиям. Такое происходит не вследствие призывов власти, а когда разрушается традиционная система.

Между тем программа модернизации – единственное, что могло бы стать платформой для консолидации большинства участников политического процесса, поскольку предполагает снятие существующих противоречий на основе кардинальной реконструкции общества. Действующие субъекты политики, пытаясь следовать априорным идеологическим установкам, утрачивают перспективу диалога. В то же время политические дискурсы дистанцируются от населения, утрачивая непосредственную связь с его интересами. Политическое пространство приобретает конфигурацию, в которой оно все в меньшей степени предоставляет возможности для диалога, мобилизации. Если деполитизацию общества можно оценивать различным образом, в данном процессе присутствуют как негативные, так и позитивные моменты, то происходящее при этом увеличение дистанции власти однозначно негативно. Жизненно важен поиск реальных форм гражданского участия, развития самоуправленческой активности населения. Разумеется, как справедливо отмечал в свое время Б.Н. Чичерин, участие граждан в политической жизни предполагает формирование политической культуры, электоральные процессы здесь не первичны. Тем не менее определенные шаги могут быть предприняты и в этой области, и связаны они прежде всего с последовательным и полным отказом от любых компонентов мажоритарной системы.

Библиографический список

1. *Зюганов Г.А.* Наша программа определила повестку дня этих выборов! Заявление Председателя ЦК КПРФ // Официальный сайт КПРФ | KPRF.RU. Пресс-служба ЦК КПРФ. 2012-03-05 15:43. URL: http://kprf.ru/rus_soc/103714.html
2. Программа партии // Официальный сайт КПРФ. URL: <http://kprf.ru/party/program/>
3. Михаил Прохоров: настоящее будущее // Михаил Прохоров. Кандидат в президенты Российской Федерации 2012: [Официальный сайт]. URL: <http://mdp2012.ru/storage/b/2012/01/20/program.pdf>
4. *Кособокова Т.* Прохоров написал президентскую программу для среднего класса // РБК daily. 20 янв. 2012. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2012/01/20/focus/562949982568466/print/>
5. *Проханов А.* Священные камни Империи // Портал сетевой войны. Россия-3. Новости сети. URL: <http://zavtra.ru/cgi/veil//data/zavtra/11/934/11.html>
6. Л. Радзиховский в программе «Особое мнение» радио «Эхо Москвы». 23.12.2011 19:08. URL: <http://cdn.echo.msk.ru/snd/2011-12-23-osoboe-1908.mp3>
7. *Яковлев Л.С.* Логика интеграции сетевых идеологий в политическое пространство России // Вестник ПАГС. 2012. № 1 (30). С. 59–65.
8. *Антипин В.* Внутренняя Африка // Русский репортер. 2011. 26 мая.
9. *Межуев В.М.* Ценности современности в контексте модернизации и глобализации // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2009. № 1.
10. *Pincus Steven C. A.* 1688: The First Modern Revolution. Yale University Press, 2009.